

*Д.М. Кошляков***Внешнеполитический образ постсоветской России***D.M. Koshlakov***Foreign Policy Image of the Post-Soviet Russia**

Анализируется генезис внешнеполитического образа постсоветской России, указываются некоторые его противоречия. В данном контексте рассматриваются события, произошедшие в августе 2008 г. на Кавказе.

Ключевые слова: внешнеполитический образ, внешняя политика, имидж, инвестиционная привлекательность, Пятидневная война.

К пониманию термина «образ», как известно, сложилось два подхода – субъективистский и объективистский. Если первый подход акцентирует внимание на стихийном характере формирования образа, то второй – на целерациональном. Исходя из того, что образ является совокупностью объективных и субъективных процессов, будем рассматривать его как единство естественного и искусственного. Такая точка зрения наиболее полно согласуется с философией техники, методами которой в определенных аспектах осмысливаются особенности рациональности политических технологий.

Внешнеполитический образ постсоветской России сопрягает в себе не только процессы субъективного и объективного характеров, но и противоположные имиджевые позиции, в чем проявляется его глубокая противоречивость, связанная со сложным характером переживаемого Россией исторического периода. Противоречивость российского внешнеполитического имиджа состоит, на наш взгляд, прежде всего в следующем. С одной стороны, Россия позиционирует себя на международной арене как государство, внешняя и внутренняя политика которого претерпела существенные изменения в ходе общественно-политических процессов 1985–1991 гг. В это время диалог между Россией и Западом начал приобретать новую модальность, восприятие России в мире серьезно изменилось. Знак произошедших изменений полемичен, однако сам факт принципиальных изменений оспаривать сложно, он очевиден.

С другой стороны, Российская Федерация выступила продолжателем (политическим, экономическим, историко-культурным, геополитическим и иным) Советского Союза, а также его правопреемником. Оценка степени преемственности серьезно варьируется по странам и отдельным периодам постсоветской

Genesis of a foreign policy image of the post-Soviet Russia is analyzed, some its contradictions are specified. In the given context the events which have taken place in August, 2008 on Caucasus are considered.

Key words: foreign policy image, foreign policy, image, investment attractiveness, Five-day war.

истории. В той или иной мере в структуре имиджа России сохраняются и эволюционируют определенные компоненты имиджа, которые были характерны для Советского государства [1]. Следствием подобного эффекта является значимое сохранение в международной политике и мировых СМИ семантики холодной войны, тем более, что Россия часто воспринимается как государство, претендующее на восстановление сверхдержавной роли. Стратегический ядерный потенциал, постоянное членство в Совете безопасности ООН, запасы энергоресурсов, восстановление позиций в странах ближнего зарубежья, контракт с Ираном на строительство Бушерской АЭС и многое другое подкрепляет эту позицию множественными фактами.

Указанное нами противоречие между двумя имиджевыми позициями («Россия как изменившаяся в ходе перестройки страна» и «Россия как преемник СССР») имеет под собой определенные историко-политические основания. Осуществив в конце 1980-х – начале 1990-х гг. кардинальный перелом во внешней (равно как и во внутренней) политике, отказавшись от идеи строительства и развития социалистического лагеря как альтернативы мировой капиталистической системе, советская и российская политическая элита рассчитывала на полномасштабную интеграцию во всевозможные западные структуры (ВТО, НАТО и т.д.). Однако отказ от сверхдержавных интересов и ставка на геополитические уступки Западу привели не к возрастанию политического престижа страны, а, согласно целому ряду оценок, к его падению практически во всем мире и вытеснению России на периферию мирового политического процесса. Факторами, негативизирующими имидж России, выступили трагические события в Чечне и плотно сопряженная с ними «государственная недостаточность», в 1996 г. вылившаяся в Хасавюртовские соглашения. В мире

складывался образ России как экономически и политически слабого государства, испытывающего системные проблемы с обеспечением своей территориальной целостности.

Таким образом, как показал ход исторического и политического процесса, ставка на мягкость и уступчивость во внешней политике улучшению имиджа России (и позднего СССР) если и способствовала, то на ранних этапах перестройки, а в общем и целом играла негативную роль в плане обеспечения позитивного имиджевого позиционирования на мировой арене. Критика в адрес России со стороны Запада по сравнению с временами холодной войны снизилась, но не по причине выстраивания реального союза с Западом и полноценной интеграции в западные структуры, которых так и не произошло, а из-за угадания политической мощи России, редукции стратегического целеполагания и субъектности.

Ошибка политической элиты позднего Советского Союза и России 90-х гг., видимо, состояла в том, что для выстраивания полноценных отношений союзничества с Западом необходимо было последовательно добиваться того, чтобы США и государства Европы видели в России не страну, проигравшую в холодной войне и вынужденную по этой причине принять волю победителя, а равного себе партнера. Таковы мировоззрение Запада (вспомнить хотя бы знаменитое изречение Ф. Ницше «Падающего – подтолкни») и психология международных отношений.

Во второй половине 90-х гг., особенно после Хасавюртовских соглашений 1996 г., а также в условиях частичного осознания элитой призрачности надежд на скорую интеграцию России в западные структуры, политическая тональность ельцинской России начала претерпевать серьезные изменения. В 1996 г. в стране было сменено руководство Министерства иностранных дел, вместо А.В. Козырева российское внешнеполитическое ведомство возглавил Е.М. Примаков, куда лучше своего предшественника соответствовавший идее смены курса с атлантизма на установки многовекторности внешней политики, сбалансированности геополитических ориентаций, устойчивости и безопасности страны в международном пространстве. Е.М. Примаков уже в 1996 г. перешел к политике развития двусторонних отношений с Ираком и Ираном, Китаем, Ливией, изменению роли России в ближневосточном урегулировании и на постсоветском пространстве.

Еще одним важным фактором смещения внешнеполитической тональности и ужесточения риторики между Россией и Западом стали бомбежки вооруженными силами НАТО территории суверенной Югославии в 1999 г. Таким образом, уже во второй половине 90-х гг. маятник внешнеполитических ориентаций России качнулся в противоположную сторону. Многочисленные изменения политических настроений

в обществе и элите подготовили почву к прагматичному и национально ориентированному политическому курсу начала XXI столетия.

Новый курс способствовал повышению безопасности и устойчивости экономики, упрочнению системы государственного управления, снижению уровня центростремительных тенденций. С одной стороны, произошло улучшение международного имиджа России, на новый уровень развития были выведены двусторонние отношения с целым рядом стран мира (Бразилия, Венесуэла, Германия, Индия, Иран, Италия, Китай, Франция и др.), странами постсоветского пространства, возросли инвестиции в российскую экономику [1]. С другой стороны, западные политические элиты обеспокоились усилением России, в структуре ее имиджа существенно укрепились имиджевые черты авторитарности, подавления свободы бизнеса, оппозиции и др. Нарастанию подобной модальности в оценках способствовала вторая чеченская кампания, меры по противодействию терроризму и снижению уровня террористической угрозы в стране, слабость институтов гражданского общества, бюрократизация восстанавливаемой «вертикали власти», коррупционность государственных институтов и «электоральная недостаточность» либерального сегмента партийной системы [1; 3, с. 121–122].

Даже возрастание инвестиционной привлекательности России носило противоречивый характер. С одной стороны, объем зарубежных инвестиций в российскую экономику возрастал, а с другой стороны, в западной прессе неоднократно подчеркивалось, что позитивные тенденции в этой сфере скорее вызваны высокими ценами на энергоносители, нежели позитивным изменением структуры экономики. Несмотря на то, что тема экономического роста России в западной прессе была достаточно значимой, в целом она выражала отрицательные смысловые интонации, негативный фон оценок и комментариев дискредитировал относительно позитивные тенденции.

У постсоветской России сложился крайне негативный имидж в целом ряде сфер – демографической, криминогенной, коррупции. Однако наиболее жесткой критике и негативным оценкам в западной прессе Россия стала подвергаться, конечно же, по вопросам внешней и внутренней политики. Многоаспектными и долговременными информационными поводами (метасюжетами) выступили события вокруг холдинга «Медиа-Мост» и компании «Юкос», отмена прямых губернаторских выборов, позиция России по вопросам ядерной программы Ирана, сезонный газовый конфликт с Украиной при президенте В.А. Ющенко, трагические события августа 2008 г., когда Россия фактически находилась в состоянии войны с Грузией, и др. [4–5].

Обратим внимание на некоторую специфику происходящего. Как только Россия стала на путь стабили-

зации своей внутренней и внешней политики, Запад предпочел ужесточить риторику. Удивляться этому, к сожалению, не приходится, в связи с чем показательной представляется позиция многих «патриархов» американской внешней политики (З. Бжезинского, Г. Кисенджера, М. Олбрайт и др.). Так, к примеру, Г. Кисенджер не скрывает, что предпочтет «в России хаос и гражданскую войну тенденции к ее объединению в сильное централизованное государство» [3, с. 121]. Очевидно, что это позиция глубоко и системно инкорпорированного в элиту эксперта, отражающая позицию весьма существенной части политической элиты соответствующей страны.

Традиционно не сковывают себя в оценках происходящего в России британские журналисты и эксперты [3, с. 123–124]. Это касается не только повседневного положения дел в стране, оперативной обстановки в политике и экономике, но и порой нацелено на глубинные основания российской политической культуры и истории. В качестве значимого примера можно отметить процессы пересмотра итогов Второй мировой войны. Так, по целому ряду причин приходится заключить, что англо-саксонская историография несет несравнимо большую угрозу исторической правде о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, нежели германская [1]. В свою очередь идеи ревизионизма в исторической науке и историческом сознании, пересмотр итогов Второй мировой войны подрывают не только образ России, но и ее национальную безопасность, прежде всего посредством торпедирования исторической реальности как своего рода «краеугольного камня идентичности». В этой связи необходимо отметить, что внешнеполитический образ страны и ее историческая память являются одним из важнейших потенциалов ее государственной безопасности.

Как уже отмечалось, сложным периодом для России и ее имиджа стали события августа 2008 г. (Пятидневная война и последующее признание независимости Абхазии и Южной Осетии). В ночь на 8 августа 2008 г. Грузия начала обстрел Цхинвала с использованием ракетной артиллерии. Когда внимание всего мира было приковано к открытию Олимпийских игр в Пекине, Цхинвал при массивной поддержке с земли и воздуха начнет штурмовать грузинская пехота. К середине дня 8 августа город, в котором не останется практически ни одного целого дома, на 70% будет контролироваться грузинскими войсками [6, с. 379]. В регионе стремительно развернется полномасштабная гуманитарная катастрофа. В это время через Рокский туннель в Южную Осетию с целью принуждения Грузии к миру начнут стягиваться российские вооруженные силы. Одна из первоочередных тактических задач, возложенных на них, – подавление огневых точек грузинской артиллерии.

10 августа 2008 г. грузинские части будут отеснены от Цхинвала, российские войска займут подступы

к нему на грузинской территории, в Гори. Одновременно с этим в наступление перейдут воинские формирования Абхазии, в результате чего грузинские войска практически без боя покинут Кодорское ущелье [6, с. 379]. По сути, Российское государство в соответствии с действовавшими доктринальными документами в области обороны и безопасности с целью защиты национальных интересов и поддержания безопасности в южно-кавказском регионе оказалось вынужденным осуществить крупномасштабное боевое применение своих вооруженных сил и вступить в прямое военное столкновение с сопредельным государством [7, с. 3].

Надо отметить, что события, послужившие причиной к этому (артобстрел Цхинвала и прочие военные действия агрессивного характера вплоть до расстрела базы миротворческих сил), происходили в многомерном политическом контексте. В данном случае соотнесение реальности (события, «текста») с ее контекстом дает возможность осуществить герменевтику породивших событие смыслов, сказать нечто новое по поводу реальности.

Одной из причин (в частности, «имиджевой целью») к развязыванию войны грузинской стороной было желание руководства Грузии дискредитировать миротворческий статус России в грузино-абхазском и грузино-югоосетинском конфликтах, что должно было стать поводом для их интернационализации, в том числе и с рисками развития по югославскому сценарию. Намереваясь решить «осетинский» и «абхазский» вопросы силовым путем и обеспечив соответствующее информационно-политическое прикрытие, Грузия должна была получить формальные шансы на интеграцию в НАТО, что, в свою очередь, стало бы фактором к дальнейшей милитаризации всего Кавказа, а также выступило бы прецедентом силового разрешения замороженных конфликтов на постсоветском пространстве, могло бы способствовать интенсивной дестабилизации ситуации в армяно-азербайджанском, приднестрово-молдавском и прочих конфликтах.

Очевидно при этом, что международный контекст происходящего, в котором эволюционировал имидж России, не ограничивался ни устремлениями Грузии в НАТО, ни тем более открытием очередных олимпийских игр, частично как бы отвлекавших внимание от событий в Закавказье («информационное прикрытие»). У происходящего были и другие уровни, с которыми оно должно быть соотнесено с целью политической герменевтики:

1) приближающийся мировой финансово-экономический кризис и сопряженная с ним проблема коррекции парадигм глобального экономического и политического развития, соответствующая всему этому проблематизация внутренней и внешней финансовой и политической мощи США [8];

2) президентские выборы в США (боевые действия в Южной Осетии на фоне малоопытного в делах

внешней политики Б. Обамы посредством появления нового информационного повода и смыслового поля давали конкурентные преимущества «ястребу» Д. Маккейну, которые частично были компенсированы выдвижением Д. Байдена в кандидаты на пост вице-президента от демократической партии США);

3) новая международно-правовая и политическая реальность, заданная «прецедентом Косово» и грозящая концом эпохи национальных государств посредством цепи локальных войн и конфликтов с рисками их эскалации на более крупные региональные и макрорегиональные уровни;

4) переходные процессы в российской политической элите, связанные с ротацией в высшем политическом руководстве России;

5) стремительное возрастание вероятности военной операции в Иране под предлогом необходимости прекращения иранской ядерной программы [8].

По поводу последнего из указанных компонентов политической игры можно сказать, что некоторые эксперты считают, что боевые действия в Закавказье, возможно, должны были подготовить дополнительный плацдарм для нападения США на Иран, в то время как другие указывают на то, что задача и проблема вывода войск из Ирака требовала смягчения американо-иранских отношений и в каком-то плане частичного перенесения очага геополитической напряженности с Ирана на пространство другого (пусть и рядоположного) узла геополитической конфликтности [8]. Кроме того, вспыхнувший на Южном Кавказе конфликт, перешедший из фазы ремиссии в активную фазу, был сопряжен с рисками эскалации с регионального уровня на глобальный.

Взвешенная позиция, решительная политика и уверенные действия России в таких запредельных условиях имели все основания (от политических и правовых до историософских) для их поддержки, причем как в стране, так и за ее пределами. И несмотря на то, что существенная часть международного сообщества (за исключением радикальных антироссийских сил) во время конфликта и постконфликтной фазы занимала либо умеренно-нейтральную (как, к примеру, Китай и Индия, имеющие проблемы спорных территорий), либо даже выжидательную (как многие страны СНГ, ОДКБ и ШОС) позицию, вереница событий августа 2008 г. не только меняла имидж России (не позволив Западу ни осуществить интернационализацию конфликта, ни ввести санкции), но и увеличивала глубину залегания его стереотипов. В свою очередь, это может стать фундаментом для построения принципиально новых политических блоков, поиска новых союзников и упрочнения отношений со старыми. В немалой степени данное поле возможностей касается стран «второго» и «третьего» ряда, что открывает перспективы для распределенного противостояния регионов мира гегемонии США, сдерживания устремлений США

к региональной дестабилизации и управлению миром в своих интересах посредством внесения в «особые точки», «узлы» мировой системы искусственной конфликтности и управляемого хаоса.

Как отмечают эксперты, решение проблемы формирования и продвижения позитивного международного имиджа России имеет больше предпосылок среди развивающихся государств, нежели среди развитых стран мира [9]. Связано это с тем, что развивающиеся страны больше заинтересованы в партнерстве с Россией и видят в ней один из центров силы, способный противостоять американской гегемонии. Кроме того, такому восприятию России способствует факт ответственности по отношению к СССР.

Конфликт в Южной Осетии показал, какой многомерный характер носит локальная война в XXI в. и сколь высока роль информационного фактора и нематериального (символического) капитала в ее ведении и влиянии на имидж государства. В этой сфере перед элитой стоит достаточно много задач: от оптимизации системы военного управления и ВПК до наращивания информационно-коммуникативных потенциалов на наднациональном и глобальном уровнях, обретения навыков более эффективной и результативной нейтрализации антироссийских информационных воздействий.

Для внешнеполитического имиджа России события августа 2008 г. имели противоречивые последствия: с одной стороны ухудшение по причине уличения России в имперских притязаниях, на чем в немалой степени пытались акцентировать внимание президент Грузии М. Саакашвили и работавшие в интересах грузинской «партии войны» политтехнологи, а также подававшие идеологически мотивированную картину происходящего в Закавказском регионе западные дипломаты и влиятельнейшие английские и американские СМИ, устроившие беспрецедентную по своим масштабам информационную кампанию [6–8]. С другой стороны, вслед за стремительной операцией по принуждению Грузии к миру и последующим признанием Россией двух новых субъектов международного права произошло укрепление и улучшение имиджа России, сопряженное с его переходом в принципиально новый имиджевый сегмент: стало ясно, что в политике действует не Россия 90-х гг., испытывающая трудности с защитой собственных территорий и не имеющая сил на защиту союзников, а обновленное государство, готовое защищать своих союзников, обладающее для этого достаточной политической волей и способное сопрягать слово и дело, волю и разум.

С некоторых пор можно наблюдать попытку элиты обновить образ России, придать ей имидж мирового инновационного и финансового центра, одного из мировых лидеров модернизации. Однако тут, как, впрочем, и всегда в российской истории, не обходится без противоречий, так как модернизации и амбициям к ее осуществлению противостоит глобальный кон-

текст. Здесь имеется в виду то, что в эпоху постмодерна происходит уход человечества от парадигмы модерна. В этой связи все большее значение начинает приобретать постмодернистская парадигма, глобализационные и глокализационные тенденции. Так, глобальная экономика делает малопродуктивными

модернизационные процессы, осуществленные по старым схемам (кейсианским и т.п.), свойственным эпохе национальных государств. В этой связи надо признать, что модернизация потребует нестандартных решений и подходов и пока во многом ставит больше вопросов, нежели дает ответов.

Библиографический список

1. Кошлаков Д.М. К вопросу о генезисе внешнеполитического образа постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: http://community.livejournal.com/image_of_russia/69270.html.
2. Коломенский М. К вопросу о формировании внешнеполитического имиджа современной России // Власть. – 2008. – №3.
3. Малеева О. Имидж России в зеркале зарубежных СМИ // Обозреватель-Observer. – 2008. – №4.
4. Мельков С. Вооруженный конфликт в Южной Осетии глазами политолога // Власть. – 2008. – №10.
5. Фролов А. Россия и Грузия: некоторые итоги конфликта // Власть. – 2008. – №10.
6. Южный Кавказ: тенденции и проблемы развития (1992–2008 годы) / отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. – М., 2008.
7. Вооруженный конфликт в Южной Осетии и его последствия. – М., 2009.
8. Что произошло 08.08.2008? [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.ru/video/diskurskurginyanwar/>.
9. Имидж России (реферативные материалы научных исследований) [Электронный ресурс]. – URL: <http://sovschola.ru/journal/article/imidzh-rossii-referativnyematerialy-nauchnykh-issledovaniy>.